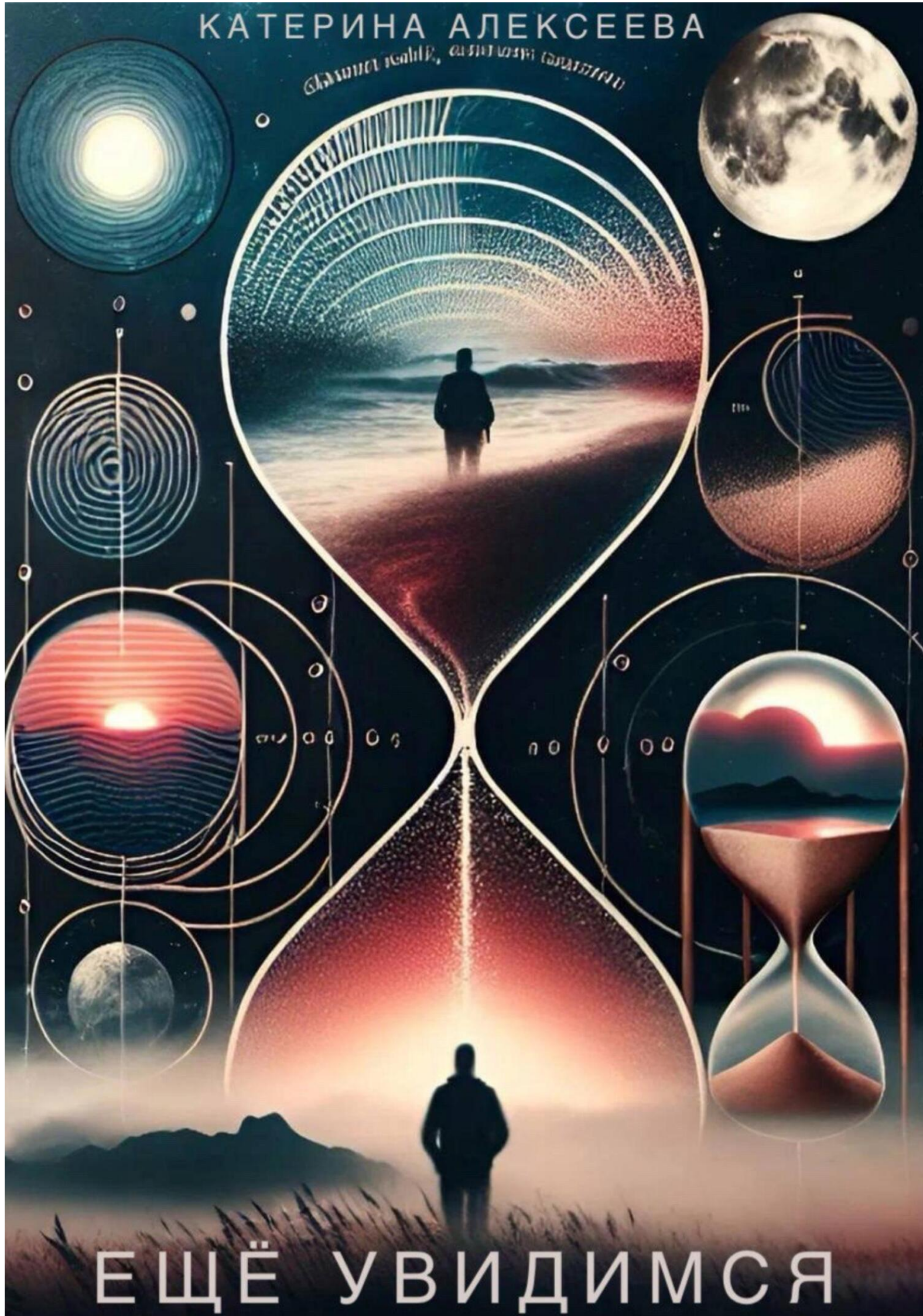

КАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВА

Самая красивая, самая дорогая женщина

ЕЩЁ УВИДИМСЯ

Катерина Алексеева

Ещё увидимся

«Автор»

2025

Алексеева К.

Ещё увидимся / К. Алексеева — «Автор», 2025

Глубоко мистическое и символическое произведение, погружающее читателя в мир таинственной и зыбкой реальности, где границы между сном и явью, жизнью и смертью стираются. Главная героиня Ариадна, проходящая через эфемерные пространства, сталкивается с загадками собственного сознания, девиациями восприятия и потусторонними сущностями. Книга исследует темы памяти, утраты, тайных знаний и поиска смысла в хаосе, погружая в атмосферу тревожной красоты, где каждый образ наполнен многозначностью и глубиной. Это путешествие через нейтральное время года — состояние, в котором все и ничто существуют одновременно — оставляет сильное впечатление и напоминает о том, что встречи и прощания — лишь разные стороны одного вечного цикла.

© Алексеева К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Катерина Алексеева

Ещё увидимся

I

Вокруг настолько тихо, что можно услышать даже прерывистое дыхание обсидиановых сверчков. Этот звук перекликается лишь с сердцебиением куропатки с голубыми когтями, доносящимся откуда-то издалека. Насколько темно, что на некоторых поворотах, если закрыть глаза, а потом снова открыть, можно разглядеть отражение своей души в тайном незримом зеркале. Но встречаются и места, где горит в течение минуты, а затем снова потухает на неопределённое количество времени один-единственный фонарь, излучающий то тускло-жёлтый, то ярко-белый свет. Насколько холодно, что даже внутренние органы покрылись инеем, а пальцы ног от отсутствия обуви скоро превратятся в снежинки. Насколько страшно и одиноко, что, будучи суеверной, безумно радуешься чёрной кошке, пробежавшей перед тобой через дорогу. А может, это была не кошка? Может, перед тобой и вовсе никто не пробежал, и в очередной раз тебе это показалось?

Вот вдали уже виднеется синеватое мерцание витрины заброшенного ларька, закрывшегося по причине загадочного убийства продавицы Эльвиры. Потом, когда иллюминация снова остаётся далеко позади, в воздухе витает аромат трупного яда и сирени, а также появляется чувство неминуемой смерти, близится самый мрачный переулочек, в котором водятся питбультерьеры. Но, кажется, в крошечной темноте прячется кто-то страшнее них. Этот некто не упустит из виду ни одного твоего движения – даже самого незначительного. Он точно знает, как ты пошевелишь пальцем в следующую секунду. Он знает о тебе совершенно всё: о чём ты думаешь прямо сейчас и о чём подумаешь завтра перед сном; что вчера ты выкинула свой завтрак в окно... не потому, что он был невкусным или ты не была голодна, а потому, что в глазах копилки в форме кролика на настенной полке ты увидела презрительное осуждение; и даже о той постыдной игре, которой ты увлекалась под северным мостом много лет назад; а также то, сколько родинок и шрамов у тебя под одеждой.

Но кто же он? Быть может, это психически неполноценный серийный маньяк? В таком случае всё не так плохо! Ведь он забрал бы тебя из этого вгоняющего в дрожь места, где ты постепенно сходишь с ума. Или это твоя мать, которую ты не помнишь, поскольку она утопилась, когда ты была ещё ребёнком? Вероятно, это то самое существо из твоих страшных снов, которое выглядит не вполне привлекательно: лицом оно чем-то похоже на слепого лешего, его волосы пахнут протухшей рыбой, а ресницы слиплись от молочной пенки.

А может, это обычная утка? Да! Просто утка! Самая обычная утка. У неё нет экстрасенсорных способностей и знаний о скрытых гранях внешней среды. Тогда почему же она так пристально следит за тобой и почему видит тебя насквозь целиком и полностью?

Вот уже совсем близко, заросший в любое время года мхом и цветами изумрудной лозы, домик дяди Анфима. Говорят, бедный старик совсем обезумел после смерти жены и не выходил на улицу уже много лет. Вокруг дома всё усыпано трупами мышей, крыс и опарышей; окна, в которых давно не загорался свет, побили местные люмпены; почтовый ящик намеревается упасть с полусгнившей опоры от количества никому не нужных газет и писем, адресованных дяде Анфиму, а может, и его супруге... Рядом на площадке стоят ржавые качели, на которых медленно качается фантом без головы и без туловища. Скорее всего, если бы у него было лицо, оно выражало бы безысходную глубочайшую тоску.

Внезапно на противоположной стороне улицы, как будто бы из ниоткуда, появилась незнакомая странная бабка. Наверное, она вышла из невидимого портала, разделяющего

параллельные реальности, или просто проникла сквозь высокий шиферный забор, за которым находится кладбище. Глядя на её серое безобразное лицо, можно предположить, что она прожила несколько столетий, а может, и тысячелетий, причём довольно беспокойной, лишённой всяческих радостей жизнью.

Её образ, состоящий из явно очень старой, в некоторых местах порванной кофты, чёрной хлопчатобумажной юбки и аккуратно завязанного на голове растрёпанного пёстрого платка, дополняли сапоги огромного размера, полностью закрывающие длинные ноги. В целом она была похожа на восставшую из мёртвых колхозницу. Она вдруг резко обернулась и сквозь мрак посмотрела прямо в глаза. Своими тёмными, как гибель непорочности, туннелями зрачков она проникла в душу и, прочитав все мысли без остатка, стала тщательно перебирать нити сознания. Этот взгляд точно запомнится на всю жизнь как самое плохое, что может в ней произойти. Это как будто бы все люди, которых ты любишь, проклинали тебя, собравшись в единое целое.

Оставив страдать и негодовать, она, подпрыгивая и бубня что-то себе под нос, пошла в сторону серого здания, которое раньше было аптекой. Поднявшись по ступенькам, ведущим к закрытой двери, она встала на носочки и начала исполнять движения, напоминающие балет. Двигалась старуха на удивление пластично и даже профессионально. Сначала, опираясь одной рукой на перила, она выполняла батман тандю и гранд батман, потом соте и антраша, а завершением был потрясающий арабеск. При этом все её движения, с одной стороны, были грациозными и изящными, но с другой – наводили панический страх и сводили с ума своей плавностью. Ясно было, что когда танец закончится, зритель навсегда лишится нынешнего телесного существования.

Ариадна проснулась в холодном поту, с ощущением, что её мозг уплывает вниз к сердцу и сливается с ним в один изрядно пульсирующий орган.

Посмотрев на свою мать, всё время молча наблюдающую с чёрно-белой фотографии, висевшей низко над кроватью, и шёпотом пожелав ей доброго утра, она сонно потянулась, коснулась губами стекла ярко-плесенной рамки кротким поцелуем и ласково улыбнулась правым уголком рта.

О матери ей было известно только то, что её звали Ольга Павловна Бондаренко и то, что она утопилась десять лет назад. Раньше Ариадна думала, что это ужасно глупо – совсем не ценить столь чудесную жизнь, в которой так много радости, а свою мать считала безрассудной женщиной. Но сейчас, будучи взрослой четырнадцатилетней девушкой, повидавшей многое, она, как ни странно, прекрасно понимает её.

Когда была ребёнком, Ариадна отличалась от своих сверстников несколько витиеватой структурой мозаики мозга, от чего в её взгляде читалась необыкновенная проницательность, гармонично сочетающаяся с кажущимся отсутствием мыслей. В её неустойчивый распорядок дня входило множество захватывающих развлечений: гадание на рунах, вырезанных на горном хрустале, подпись контрактов с дьяволом, чтение мантр в лесной чаще под звуки смятения волков, а также взятие высших сил на слабо и левитация над землёй.

В общих чертах она представлялась человеком, неподвластным судорогам левого полушария и отчаянным до темноты в пояснице. Всегда была наделена множеством промежуточных пёстрых намерений, выходящих за пределы тесных границ и привычных норм, потому зачастую непризнанных обществом. Её характер был сравним с орнаментом, бесконечно завивающимся в разные сумасбродные картины, которые можно рассматривать и изучать до потери сознания, но так и не обнаружить того, что в них скрыто, помешаться на этом орнаменте, чёрт бы его побрал, а потом, в конце концов, раствориться в нём.

Встав с кровати, девочка подошла в упор к большому зеркалу и сперва долго смотрела на своё бледное и отрешённое, но при этом изумительно красивое, как стоя лёгких полевых цветов, лицо сверху вниз, сильно задрав голову. Затем расплела чёрные, как мягкая шёрстка пауков-людоедов, косы длиной до тонкой талии, напевая незамысловатую песню. После чего, на ходу подтянув штаны с вишнями, пошла в зал, где с крайне важным видом раскачивался на кресле у камина и читал газету её отец – Александр Николаевич – успешный кроликовый бизнесмен с тонким музыкальным вкусом и татуировкой черепа на груди, не снисходящий никогда к проявлению каких-либо эмоций, но, тем не менее, обладающий доброжелательностью собственного своенравия.

«Доброе утро, папочка!» – сказала Ариадна и поцеловала его в щёку.

Через минуту отец что-то пробормотал, но она уже не слышала, потому что ушла в гостиную, обустроенную по последнему фэн-шую, откуда доносились громкие звуки телевизионной передачи: приятная девушка в наряде феи сообщала о неизбежном приближении изменений погоды.

Завтрак уже давно стоял на столе в расписной фарфоровой тарелке и едва не покрылся липкой плёнкой. Резко, будто с высоты птичьего падения, она присела на диван, от чего поднялось облако свежести, и, выпив сладкий кашрут из сапфировой вазы, приступила к поеданию вермишели с корками лимона в молочном келебердине.

Ариадна переключила канал. Экран стал чёрным, а на фоне заиграла отвратительная песня на непонятном языке, походящем на мяуканье беспомощных мамонтов, постепенно сменяющаяся пугающими звуками, вовсе не похожими на музыку.

На следующем канале воспроизводился фильм драматического жанра, главным героем которого был летучий мышонок, вращающийся под сводом крошечной тьмы и погибший в день весеннего равноденствия. Его одолевала какая-то страшная летучемышинная болезнь, наподобие человеческого рака желудка. От невыносимой боли ничего не спасало, и он начал курить нечто сомнительное, чтобы не чувствовать её. У него появилась зависимость от курения. Это был замкнутый круг. Никто не знает, что в итоге его погубило: болезнь, нечто сомнительное или весеннее равноденствие.

Ариадна снова переключила канал. И вот звуки превратились в беззвучие, совершенно не воспринимаемое человеческим ухом и вызывающее мучительное чувство тревоги. Закрыв уши руками, Ариадна закричала так сильно, что, наверное, было слышно в троллейбусе номер семь, проезжающем вдоль теплотрассы иного измерения.

В комнату зашёл отец. «Тебе пора собираться в школу», – не замечая предобморочного состояния дочери, – отрезал он и импульсивным рывком выдернул провод телевизора из розетки, едва не разрушив этим движением несущую стену и не сбив с орбиты копилку-кролика на настенной полке.

II

Надев белую кроличью шубу с мягкой лапкой погибшего кролика вместо застёжки и прихватив школьную сумку без тетрадей и учебников, девочка вышла из дома.

Морозное зимнее солнце слегка проникало сквозь ясные тучи, сардонический смех синиц создавал атмосферу нарастающей путаницы, а знойный порывистый ветер постоянно ломал ветви старой черёмухи, из-за чего до внутреннего слуха то и дело доносилось блаженное скуление подземной части дерева.

«Нужно наведаться к моим ангелочкам», – решила Ариадна. Открыв дверную задвижку жилища для кроликов с третьего раза, она, опираясь руками об оградку, подтянулась и повисла на ней.

Вдруг она заметила приближающегося соседа Вазифата Мухтараму – мужчину бальзаковского возраста, в высшей степени противного ей своим отсутствием верхних зубов, приплюснутыми ногтями больших пальцев и особым интересом к девочкам-подросткам. Однажды он подарил ей убогое платье, принадлежавшее когда-то его умалишённой дочери и заражённое платяной вошью (потому благополучно сожжённое Ариадной вместе со множеством личных мемуаров).

«Доброе утро, Ариша», – сказал он, приветливо улыбаясь наглой беззубой улыбкой.

«Знаете, эти кролики так похожи на белое мраморное мороженое, что иной раз мне ужасно хочется их съесть... прямо так... сырыми...» – тихим голосом, будто заворожённая, ответила Ариадна вместо приветствия, наблюдая за бегущими по периметру железной сетки бедными мраморными кроликами. – «Это только сейчас, зимой, желание не такое сильное, а вот когда тепло... я представляю, какие они холодные, сахарные и как тают во рту...»

Вазифат искажился напряжённой гримасой – «Отец дома?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.